

Эти двое были никем иным, как выходцами из деревни Вэньцзячжуан.

Одного звали Вэнь Юань — старший внук старосты рода Вэнь. Учился он неплохо, но пока ещё не сдал экзамены на степень суйцая. В следующем году собирался попробовать.

Второго звали Вэнь Лан — старший сын деревенского старосты Вэнь.

Между собой они были близки — двоюродные братья из разных ветвей рода.

И с Вэнь Жунем они тоже считались родственниками — тоже двоюродными братьями по роду Вэнь.

Знакомы ли они были? Конечно, знакомы!

Но были ли между ними обиды? Увы, кое-что действительно накопилось.

Вэнь Жунь, хоть и остался без родителей и имел на руках ненадёжных дядю с тётей, всё же унаследовал от родителей солидное состояние.

Прежний хозяин тела тоже не подкачал: сумел устроить себе спокойную, размеренную жизнь и даже сдать экзамены на суйцая!

А ведь они с Вэнь Жунем учились в одной школе!

Причём Вэнь Юань и Вэнь Лань были на три года старше него — ровесники Сюй Юя!

Сюй Юй уже стал суйцаем, Вэнь Жунь — и вовсе цзюйжэнем, а они до сих пор оставались простыми «байдинами» — без всякой учёной степени!

Назывались «учёными», а на деле — ни одного официального звания.

Они уже однажды сдавали экзамены — и провалились с треском, получив «ноль»!

Сейчас же два года упорно готовились и решили попробовать снова.

При этом они прекрасно знали, что случилось с Вэнь Жунем. Просто... втайне надеялись: если Вэнь Жуня не станет, давление на них уменьшится. Ведь с детства Вэнь Жунь был в глазах старших «образцовым ребёнком», «прилежным учеником», за которым «великое будущее»!

Даже их собственные дедушки с бабушками восхищались им.

Естественно, такие речи вызывали у ровесников зависть, досаду и обиду.

А когда с Вэнь Жунем случилась беда, эти двое в академии даже не обмолвились об этом ни словом!

Даже не поинтересовались, жив ли он вообще.

Если бы тогда они хоть немного вступились за него перед дядей Вэнь Сяо и его женой, прежний хозяин тела, возможно, и не умер бы от душевной муки.

Один из них, кстати, был родным племянником Вэнь Лаоци — седьмого дяди Вэнь Жуня!

Неужели за всем этим не стоял какой-то расчёт? Неужели они не мечтали прибрать к рукам имущество Вэнь Жуня? Кто теперь разберёт?

В деревне Вэньцзячжуан они могли заглушить сплетни, пригнуть головы, притвориться, будто ничего не произошло.

Но здесь, в уездном городе, попробуй так сделай!

Люди, обучающиеся в уездной академии, с детства учились грамоте и разумению. Их не проведёшь теми уловками, что годились для простодушных односельчан. Здесь каждый — умница, с острым умом и ясным суждением. Они не те доверчивые крестьяне, которых можно обмануть, и не подвластные клановому давлению родственники, где «что скажет старейшина — то и закон».

Каждый здесь — человек сообразительный и проницательный.

Они принесли с собой два подарочных свёртка и, улыбаясь, собирались поздравить ректора У с Новым годом. Но не ожидали, что здесь окажется Вэнь Жунь.

Они и правда не знали, что он приедет.

Ведь даже когда в уезде сменили начальника, Вэнь Жунь не показывался — да и никто не наводил о нём справки. Видимо, его деревня и впрямь где-то в глухомани!

Вот они и осмелились явиться сюда — поздравить ректора и заодно попросить его помочь найти поручителей для предстоящих экзаменов.

В роду Вэнь из пяти наиболее перспективных учеников трое были ещё совсем юными — им до экзаменов далеко.

Оставались только Вэнь Юань и Вэнь Лан — они учились в уездной академии и имели реальные шансы сдать экзамены.

Вся деревня вкладывала в них надежды: стоит им стать суйцаями — и можно мечтать о цзюйжэне!

А как только станут цзюйжэнями... тогда уже не будут бояться Вэнь Жуня.

Вот такова была нынешняя позиция Вэньцзячжуан.

Они уже поняли: Вэнь Жунь назад не вернётся.

— Ректор, мы пришли поздравить вас с Новым годом! — сказал Вэнь Юань. Как старший, он был постарше и с детства находился рядом с дедом-старостой, отчего унаследовал определённую наглость. Он потянул за собой неловко замывшегося Вэнь Лана и первым поклонился — сначала вежливости, потом уже дела.

Они пришли как ученики, так что ректор У не мог их просто прогнать.

Во время приветствий они вели себя вполне прилично.

Но едва они вошли, как Вэнь Жунь, будто не замечая их, прошёл мимо и вышел из кабинета. За ним последовали Сюй Юй и двое суйцаев.

Эти трое были «линшэнами» — стипендиатами среди суйцаев. «Рыба ищет воду, человек — себе подобных»: прежний хозяин тела тоже был линшэнем.

За ними вышли и остальные, кто не имел степени суйцая. Все направились в главный зал дома ректора У.

И надо сказать, зал ректора У был куда роскошнее главного зала дома Ванов.

Прежде всего, на северной стене висела большая картина «Персики и сливы в цвету» — очень уместное украшение для наставника, посвятившего жизнь обучению учеников.

По бокам висели парные надписи:

«Персики и сливы — по всему миру,

В зелёных полях следуем за Таном и Пэем».

Это последняя строка из стихотворения Чэнь Ми (эпоха Сун) «Благодарность судье Чжу за двадцать строф о саде Нань».

Идеально подходило ректору У!

Под картиной стоял алтарный столик, на котором красовались два изящных вазона с двумя ручками — в них торчали метёлки для пыли из петушиных перьев.

Рядом — пара поменьше, так называемые «вазы красавиц», гораздо изящнее тех, что были у Вэнь Жуня. В них стояли распустившиеся ветви красной сливы с жёлтыми тычинками, источавшие тонкий аромат.

Далее — длинный прямоугольный стол с высокими подносами, полными сухофруктов: арахиса, семечек и прочего.

По бокам — массивные «кресла-головные уборы чиновников» (гуаньмаои) — места хозяев дома.

Вэнь Жунь знал об этих креслах: они делятся на южные и северные. Южные, иначе называемые «вэньи» («кресла учёных»), отличаются тем, что подлокотники и верхняя перекладина не выступают наружу, а изогнутые царги плавно сходятся вниз, создавая впечатление округлости, сдержанности и изящества.

Вокруг стояло восемь небольших столиков и шестнадцать мест — все на «циркульных креслах» (цюаньи).

Циркульные кресла произошли от складных «цзяочжуанов». Их форма сочетает квадрат и круг: сверху — круг, снизу — квадрат.

Когда-то в академии они даже писали сочинение на тему: «Круг — символ мягкости, гармонии и завершённости; квадрат — основа устойчивости и прямоты. Вместе они выражают даосскую идею «небо кругло, земля квадратна», а также даосско-конфуцианский принцип сочетания силы и мягкости».

Жаль, раньше Вэнь Жунь не мог сесть на такое кресло — ведь они были антикварными.

Но теперь, став цзюйжэнем, он вполне имел на это право.

Рядом слуга поставил ему горячий чай и две тарелки с пирожными.

Это был приёмный зал — здесь всё было устроено с максимальной роскошью. Пять комнат были объединены в единое пространство.

С востока зону отделяла четырёхстворчатая ширма из красного дерева с резьбой «Четыре благородных растения: слива, орхидея, хризантема, бамбук». Что было за ней — никто не знал.

С запада пространство ограничивал резной шкаф с четырьмя дверцами.

По обе стороны стояли «многосокровищницы» (добаогэ) с разными безделушками: фарфоровые куклы с наивными личиками, двусторонние вышитые панно, нефритовая резная «руйи» из хуанхуали...

Ничего особо ценного, но всё — с изысканным вкусом.

Когда Вэнь Жунь и его спутники вошли, вскоре один за другим начали прибывать и остальные.

Скоро собрались все, и Вэнь Жунь улыбнулся:

— Мы сюда пришли поболтать, а ректора одного в кабинете оставили?

— От одного их вида кровь кипит! — вспыхнул один из суйцаев, швырнув в сторону ароматный мешочек, который держал в руке. — Раз уж тогда выбрали бездействие и молчание, как могут теперь сюда заявиться? Ни за что не стану за них поручаться!

— И мы не хотим с ними в одной группе поручителей, — поддержал его другой ученик, тоже готовившийся к экзаменам на суйцаю. — Если с ними что-то случится, нас всех подставят! Такие люди... фу!

Вэнь Жунь прекрасно понимал, о чём говорят его товарищи, но сейчас не было подходящего момента вмешиваться и что-то говорить самому.

Однако молчание его не означало, что никто не выскажется за него.

Сюй Юй совершенно естественно вступил в разговор:

— У них самих толстая кожа — сами пришли, так вы просто не обращайтесь внимания. Брат Вэнь здесь, давайте поговорим о чём-нибудь другом. Вы, ребята, весело провели праздники дома? Читали ли книги? Учитель ведь обязательно спросит!

— Я читал! Комментарии, которые дал нам брат Сюй, я внимательно изучил, — отозвался один.

— Я тоже занимался каллиграфией, — добавил другой. — Долго тренировался дома, наконец-то почерк стал приличным!

Все перешли на обсуждение учёбы — никто не собирался тратить время на сплетни о тех двоих, чьё поведение было столь недостойно.

Тем не менее многие прямо заявили: ни за что не станут вступать с ними в группу взаимных поручителей.

Их нравственность вызывала слишком большие сомнения. А вдруг что-то пойдёт не так? Вся жизнь может быть испорчена! Не стоит считать их жестокими — достаточно взглянуть на самого Вэнь Жуня, цзюйжэня. Его судьба — лучшее тому доказательство.

Его путь, скорее всего, и вправду закончится на степени цзюйжэня.

О таланте Вэнь Жуня судить не берутся, но усердие его в учёбе не вызывает сомнений. Да иначе и быть не могло: у него не было родственников, которые могли бы помочь, — только тянули назад. Прежний хозяин тела сдал экзамены на суйца в столь юном возрасте лишь для того, чтобы сэкономить на обучении. А степень цзюйжэня стала для него неожиданностью... и привела к тому, что его выдали замуж.

Именно эта степень и стала пределом его карьеры.

Чтобы пойти дальше, нужны были либо выдающиеся заслуги перед государством, либо личное вмешательство министра ритуалов, а то и самого императора, дарующего особую степень.

Ни одно из этих условий было практически недостижимо.

Ведь даже губернатор в их уезд почти не заглядывал, не говоря уже о министрах из Пекина или о самом Сыне Неба!

В разгар беседы появился управляющий в домашней одежде:

— Прошу господ в столовую. Господин приготовил скромное угощение — несколько закусок и немного вина.

— Отлично! — хором ответили гости и, в развевающихся широких рукавах и длинных одеждах, с изящной учтивостью направились в столовую ректора У.

Видимо, гостей у ректора принимали часто — столовая представляла собой целый главный зал: три комнаты были объединены в одно пространство, внутри стояли несколько столов.

На каждом подали четыре блюда и суп: три мясных и одно овощное.

Мясные: красная рыба в соусе, весенние роллы с креветками, обжаренные мясные фрикадельки.

Овощное: жареные побеги дикого бамбука.

Суп — прозрачный трёхкомпонентный.

Ещё подали тарелку с пятью видами сладостей, выложенными в виде распустившегося цветка. Ярко-красный пирог из хурмы особенно возбуждал аппетит.

Отдельно стояли маленький горшочек с кашей из трёх видов бобов и ведёрко риса «би гэн».

Не роскошно, но, по мнению Вэнь Жуня, очень полезно и сбалансированно.

Ректор У присоединился к трапезе, но Вэнь Юаня и Вэнь Лана среди гостей не было. Ушли ли они сами или их вежливо, но твёрдо попросили удалиться — неизвестно. Главное, что их не видели.

— Ну-ка, ну-ка! — начал ректор У, поднимая маленький бокал. — Ваш ректор приготовил скромное угощение. Желаю вам всем дальнейших успехов и новых высот!

Все подняли бокалы и выпили первую чарку. Вэнь Жунь пригубил — вино оказалось рисовым, с очень низким содержанием спирта, почти не пьянящим.

Еда была вкусной, вино — приятным, а разговоры — исключительно благопристойными.

Но ближе к концу трапезы Вэнь Жунь неожиданно поднял тему переноса могил своих родителей.

— Переносить могилы? — удивился Сюй Юй.

Остальные тоже с изумлением уставились на него. Это ведь не шутки!

— Если перенести могилы родителей в Ляньхуаао — ещё можно понять, — осторожно начал ректор У, сразу же сообразив, куда клонит Вэнь Жунь. — Но в Вэньцзячжуане ведь больше некому? А могилы дедушек с бабушками... их тоже переносить собираешься? А прадедушки с прабабушками?

Учёные обычно помнили о трёх поколениях предков: родителях, дедушках с бабушками и прадедушках с прабабушками. Всё, что дальше — уже считалось дальней роднёй.

— Мой дядя с семьёй был изгнан из рода и вычеркнут из родословной, — спокойно ответил Вэнь Жунь. — Всё имущество я уже урегулировал. В Вэньцзячжуане больше некому совершать жертвоприношения за моих дедушек и бабушек, поэтому их могилы тоже нужно перенести. Что до прадедушек — у меня ещё двое дядюшек, и у них есть наследники, кто будет за ними ухаживать.

Он говорил об этом совершенно спокойно.

Вэньцзячжуань и вправду был крупным клановым поселением. Все там считались родственниками... но когда прежнему хозяину тела понадобилась помощь, никто не поднял и пальца.

Теперь Вэнь Жуню не нужны их «услуги» по уходу за могилами — он сам всё решит.

— Но... согласится ли на это Вэньцзячжуань? — обеспокоенно спросил ректор У. — Перенос могил — дело серьёзное!

Во многих родах кладбища выбирались с учётом фэншуй. Перед захоронением обязательно приглашали «инь-ян шэна» (мастера по геомантии). За могилами постоянно ухаживали, чтобы не зарастали сорняками, и каждое праздничное утро приносили жертвы.

Как гласит древнее изречение: «Великие дела государства — это жертвоприношения и война». Раз войны у них нет, то жертвоприношения становятся главным долгом.

— Я собираюсь написать прошение новому уездному начальнику, чтобы он разрешил мне перенести могилы, — сказал Вэнь Жунь. Он хотел использовать административный рычаг, чтобы надавить на Вэньцзячжуань.

Он уже всё продумал: привлечёт на свою сторону учеников академии, пусть поддержат его публично.

Если Вэньцзячжуань хочет, чтобы Вэнь Юань и Вэнь Лань спокойно сдали экзамены, — пусть согласится на перенос могил.

А если откажутся — он позаботится, чтобы экзамены для них не состоялись.

Посмотрим, чьи потери окажутся больше!

Ему даже не пришлось объяснять подробно — все сразу поняли его замысел.

— Я не хочу их специально мучить, — серьёзно сказал Вэнь Жунь. — Просто они постоянно шантажируют меня, требуя покровительства. А мне это не по душе. Не подумайте, что я в

новогодние дни говорю что-то дурное. Я просто решил: перенесу могилы родителей и дедушек с бабушками в Ляньхуаао. Место уже выбрал.

Обсуждать перенос могил в праздничные дни, конечно, не совсем уместно. К тому же ректор У был в почтенном возрасте и заботился о своей престарелой матери.

Но ситуация Вэнь Жуня была особой — тянуть нельзя. Поведение Вэньцзячжуаня было просто омерзительным.

А учёные люди не терпят несправедливости. Достаточно было взглянуть на то, как сегодня все отнеслись к Вэнь Юаню и Вэнь Ланю!

К тому же в доме ректора У вполне хватило бы места и еды, чтобы принять и этих двоих — но их всё равно не оставили.

Как именно они ушли, Вэнь Жунь не знал. Но он знал одно: то, что его самого оставили на ужин, — уже само по себе красноречивый знак.

Хотя, строго говоря, это был ещё не вечерний ужин — скорее, поздний обед, приходившийся на вторую половину дня. Ведь после трапезы следовал обязательный ритуал: пить чай, беседовать, обмениваться любезностями — и только потом можно было прощаться. Это был целый церемониал, выдержанный в строгих правилах приличия.

Совсем не то, что в наше время: вышел «перекусить», потом — в караоке орать до утра!

Учёные люди всегда держались с особым достоинством и изяществом.

— Брат Вэнь, мы полностью поддерживаем твоё решение, — первым решительно выступил Сюй Юй. — Вэньцзячжуань не стоит того, чтобы ты туда возвращался. Я слышал, что ещё до Нового года вся деревня ждала тебя, надеялась, что ты приедешь... Но ты не поехал — и это правильно. Однако предки всё же похоронены там, и рано или поздно тебе придётся ехать на поминки. Если же перенести могилы — проблема решится раз и навсегда.

<http://bllate.org/book/15642/1398081>